

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Золотухина Всеволода Валерьевича на тему: «Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания протестантской теологии и религиоведения», представленную на соискание ученой степени доктора теологии по научной специальности 5.11.2.

Историческая теология (протестантизм)

Диссертация Всеволода Валерьевича Золотухина посвящена важной и интересной теме, которая получила относительно мало внимания в науке (российской, западной и восточной), и потому заслуживает кропотливого изучения, — и в рамках настоящего исследования и, смею надеяться, позднее. Нам достаточно хорошо известно многое о Канте, немало написано и о романтизме. Хорошо изучен и многократно интерпретирован Гегель. Но вот что творилось в это время на «втором плане» немецкой интеллектуальной культуры, какие именно фигуры работали на этом теоретическом поле, было сравнительно малоизвестным.

Именно это подмечает диссертант, удачно, на наш взгляд, распространяя термин «сентиментализм» на многочисленные рассматриваемые им теологии религиозного чувства. В качестве важного пункта актуальности выступает недостаточная изученность эмпирической линии философии религии в противовес рационально-спекулятивной гегелевской. Неожиданным является следующий тезис автора: *«Взгляд на эволюцию рассмотрения проблематики религиозной аффективности позволяет реконструировать историю понятий и идей вне общепринятого деления на «философию», «теологию», «религиоведение», «феноменологию религии», «востоковедение» и др. Подобное деление нередко приводит к поиску и искусственной постановке методологических границ там, где их может не быть»* (стр. 8). А ведь действительно! К сожалению, у нас нередко принято обрубать исследование там, где изучаемый автор, как считается, перешел условно выстроенные границы специальности. Всеволод Валерьевич в этом случае совершенно по-теологически сделал то, что стремились делать описываемые им мыслители: он перешел границы теологии, чтобы вернуться к ней же в обновленном, актуализированном виде.

Тезис актуальности № 6 представляет для будущих исследований серьезную перспективу: *«Рассмотрение западноевропейского религиоведения как уникального эпистемологического кейса в рамках мировой культуры позволяет более отчетливо понять ту роль, которую, (оставаясь в исследовательской тени), играет конкретно-историческая филиация понятий и идей в развитии культуры и, следовательно, более пристально обращать внимание на эпистемологические особенности незападных традиций»* (стр. 8). Западная мысль — не объективная, единственno возможная истина! Даже в ее рамках различаются немецкая, французская, островная традиции, — все они разные. Рассмотрение западных интеллектуалов как равных партнеров для уважительного диалога разительно отличается от слепого следования модным нарративам, сопровождающегося сокрушенным самоедством за то, что именно такие нарративы не родились у нас в России.

Цели и задачи диссертант ставит себе следующие: во-первых, проследить исторические корни религиозного сентиментализма, это оправданно. Большой интерес представляет терминологическая сторона: «восстановить контекстуальные значения

понятий немецкоязычной философии и теологии религиозного переживания XIX в.: *Ahndung* (смутное предчувствие), *Andacht* (созерцательное благоговение), *Anlage* (внутреннее основание религиозности), *Erfahrung* (опыт), *Erleben* (переживание), *Gefühl* (чувство), *Glaube(n)* (вера/верование), *Trieb* (побуждение, порыв), *Wert* (ценность») (стр. 15–16). Здесь чувствуется влияние учителя докторанта, — академика Смирнова, арабиста-медиевиста, для которого именно прояснение категориальной, понятийной сетки является залогом понимания философской или теологической концепции. Очень важно: Золотухин усмотрел то, как теоретизирование о религиозном чувстве со временем меняет терминологический окрас, подстраиваясь под изменения интеллектуальной атмосферы.

Научная новизна диссертации содержит важный тезис: «поскольку ключевым следствием кантовской критики рациональной теологии выступает исключение религии во всех ее проявлениях из сферы теоретического знания, сама она становится предметом теоретической рефлексии, причем продолжая восприниматься в качестве цельной области реальности. Это объясняет возникновение потребности в кристаллизации особой предметной области знания, посвященной религии. Потому не следует удивляться, что скетчи желательного в будущем знания о религии присутствуют с начала XIX в. в работах ряда сентименталистов, начиная с: Ф. Шлейермакера и Я. Фриза» (стр. 21–22). У всякой науки есть предыстория, и Золотухин вскрывает предысторию религиоведения. Она тесно увязана с теологией, частично вырастает из нее, в значительной мере диктуется теологическими мотивациями. Докторанту удалось вскрыть глубокое своеобразие интеллектуальной эволюции западноевропейской культуры в ее теологическом сегменте. Мне очень импонирует то, как Золотухин осторожно оговаривает рамки своего исследования на стр. 20 и 23. Это вновь отсылает к традициям Института философии РАН, в котором он защищал свою кандидатскую диссертацию: «спорьте, пока у вас есть аргументы, предвидьте любую критику и стремитесь заранее ее предупредить», нечто вроде того.

В качестве ключевого пункта новизны докторант правомерно утверждает открытие «совокупности родственных концепций немецкой философии религии долгого XIX века, — концепций, полагающих чувство/аффект/переживание основополагающим аспектом религиозности» (стр. 20). Думаю, это достойный результат для докторской работы.

К **методологии** исследования у меня вопросов нет, здесь все сделано корректно и аккуратно. Следует отметить стремление докторанта не оставаться в рамках сугубо кабинетной филиации идей, а осмыслить социально-политические их контексты. Хорошо это по видно по подпараграфу 2.2.3 (стр. 185 и далее).

Сама работа состоит из **двух глав**. Каждый параграф каждой главы за редким исключением (1.1.) посвящен одному автору и его учению о религиозном чувстве. В такой конstellации данных авторов ранее не рассматривал никто, архитектуру своей работы Золотухин выстроил полностью самостоятельно, не принадлежа к какой-либо школе и не развивая идеи какого-либо историко-философского схоларха. Институционально тут и теологи, и философы, и востоковеды, но Золотухин рассматривает их как людей, задающие одни и те же вопросы, имеющих сходные убеждения и академические идеалы. Это — смелость, обеспечивающая возможность реально прирастить наше знание о прошлом. Так, к примеру, в параграфе 1.2. Золотухин показывает сентименталистские, по существу, убеждения И. Г. Фихте, которого обычно принято причислять к послекантовским рациональным идеалистам (особенно принимая во внимание спинозистский бэкграунд научоучения). Работа докторанта познавательна и может быть переработана в учебное

пособие по истории немецкоязычной протестантской мысли от Просвещения до Первой мировой войны.

В **заключении** (стр. 243 и далее) содержатся важные выводы автора. Первый из них таков: «Религиозный сентиментализм есть уникальный конкретно-исторический синтез пietизма и кантовского критицизма в условиях секуляризации XVIII в., потому прямых его аналогов в иных культурах и эпохах нет. Своеобразна и его трансформация в теолого-психологические штудии у последователей Шлейермакера, обусловленная взрывным интересом к набирающему силу естествознанию, в т.ч. физике и биологии. Тем самым оказывается, что рождение религиоведения из духа протестантской теологии не столь типичный процесс, как случившийся как минимум в трех точках на карте (а то и четырех, если считать Древний Египет с его учением о маат) процесс трансформации мифологической картины мира в философскую. Наличие философской и теологической рефлексии касательно религии не приводит к зарождению религиоведения ни на средневековом арабо-мусульманском Востоке (ср. идеи ал-Бируни), ни в Индии, ни в восточноазиатском буддийском мире». Что же, ждем от диссертанта дальнейшего раскрытия этих положений в последующих работах, будем следить за его публикациями.

Далее внимания заслуживает следующий вывод: «Сциентизирующий потенциал сентименталистской установки полностью исчерпывается к концу долгого XIX в., — тогда, когда на авансцену заступает экспериментальная психология религии. По мере накопления в сфере психологии положительных знаний разрушается представление об эвристическом, многообещающем потенциале интроспекции и интроспективного картографирования переживаний. Оказывается, что картография религиозных переживаний гораздо более зависит от индивидуальной биографии, особенностей социализации, семейного и религиозного воспитания. Схожие проблемы проявились и в истории религии: ее материал оказался исключительно пестрым и контекстуально обусловленным; соответственно, попытки систематизировать его подобно материалу лингвистики или археологии предстали как крайне затруднительные, если не неосуществимые» (стр. 245–246). Золотухин хорошо осознает историческую ограниченность сентименталистской установки и точно указывает (во введении), что нынешние апелляции к религиозному чувству и его оскорблению не имеют прямого отношения к изучаемой теме и являются продуктом значительного переосмысления темы. Историческая рамка, прослеживание рассвета и заката теологии религиозного чувства, анализ причин ее схода с исторической арене как раз и свидетельствуют о соответствии работы специальности 5.11.2. Историческая теология, — той, по которой она подана в совет.

Наряду с описанными достоинствами хотелось бы выделить и некоторые недостатки. Мне, например, не до конца понятно, почему диссертант не затронул учение о религиозном опыте датского философа Харальда Хёффдинга, представленное в его работе «Философия религии»? Если говорить о Якоби и Бутервеке, почему не говорить о Хёффдинге? Если выходить из Германии и идти в Нидерланды, почему не заглянуть в Данию? Тем более что в означенный исторический период датская мысль следовала в фарватере немецкой.

Говоря о стремлении к объединению Германии, а также к объединению лютеран и кальвинистов, диссертант чаще всего использует термин «унионизм». Однако, в современном русском языке этот термин обозначает преимущественно лишь один кейс: стремление к объединению Румынии и Молдавии причем в виде поглощения последней со

стороны первой. Более нормативный термин — «юнионизм», хотя корень, конечно, один, и дело в устоявшейся транслитерации.

Однако, данные замечания никак не затрагивают ключевые заслуги и ценность работы. Диссертация Золотухина Всеволода Валерьевича на тему: «Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания протестантской теологии и религиоведения» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Золотухин Всеволод Валерьевич заслуживает присуждения ученой степени доктора теологии по научной специальности 5.11.2. Историческая теология (протестантизм). Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета
доктор философских наук,
и.о. директора института Истории и
социальных наук Герценовского университета

 Прилуцкий Александр Михайлович

18 октября 2023

РГПУ им. А.И. ГЕРЦЕНА

подпись Прилуцкого
А.М.

удостоверяю «18» 10

Отдел кадров управления по работе с кадрами
и организационно-контрольному обеспечению

Ведущий специалист
отдела кадров

А. Е. Ишимова

